

RU

Анализ романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» в свете философии буддизма

Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление типологических точек соприкосновения между художественным универсумом романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и фундаментальными концепциями философии буддизма. В статье на основе сравнительно-типологического и герменевтического методов проанализировано, как ключевые понятия буддийской мысли – Четыре благородные истины, учение о страдании (дуккха), природе «Я» (анатман), пустоте (шуньята) и сансарическом круговороте бытия – находят имплицитное выражение в психологическом портрете главного героя и других персонажей романа. Особое внимание уделено феномену абсентеизма Клима Самгина как формы дистанцирования от мира страстей, а также реализации концепции пустоты на уровне его полифонического сознания. Рассмотрены универсальный характер страдания, проблема угасания желаний (Третья истина), фрагментарное проявление элементов Восьмеричного пути и эпизод с картиной И. Босха как момент постижения героем сансарической природы реальности. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые художественная структура романа «Жизнь Клима Самгина» осмыслена как имплицитное воспроизведение фундаментальных концепций буддизма – Четырех благородных истин, анатман и шуньяты. Предложена трактовка абсентеизма главного героя не как социальной или психологической особенности, а как формы онтологического отчуждения, типологически близкой буддийскому пониманию личности. В результате исследования установлено, что, не являясь сознательным последователем буддизма, М. Горький создал произведение, обнаруживающее глубокое типологическое родство с восточной философией. Выявлено, что осознание Самгиным пустоты не ведет его к освобождению (в отличие от буддийской традиции), а обнажает трагический разрыв между непереносимостью страдания и невозможностью его преодоления в рамках европейского экзистенциального дискурса. Предложенная оптика позволяет интерпретировать «Жизнь Клима Самгина» как философское исследование кризиса личности в мире, утратившем метафизические основания.

EN

M. Gorky's novel "The Life of Klim Samgin" in the light of Buddhist philosophy

A. V. Lesevitsky, E. V. Lyakhin

Abstract. The research aims to identify typological points of intersection between the fictional universe of Maxim Gorky's novel "The Life of Klim Samgin" and the fundamental concepts of Buddhist philosophy. Utilizing comparative-typological and hermeneutic methods, the article analyzes how key tenets of Buddhist thought – the Four Noble Truths, the doctrine of suffering (dukha), the nature of the "Self" (anatman), emptiness (shunyata), and the samsaric cycle of existence – find implicit expression in the psychological portraits of the protagonist and other characters. Special focus is placed on the phenomenon of Klim Samgin's "absenteeism" as a form of distancing from the world of passions, as well as the implementation of the concept of emptiness within his polyphonic consciousness. The study further examines the universal nature of suffering, the cessation of desire (the Third Truth), fragmentary manifestations of the Eightfold Path, and the episode involving Hieronymus Bosch's painting as a moment of the hero's insight into the samsaric nature of reality. The scientific originality of the study lies in its being the first work to conceptualize the artistic structure of "The Life of Klim Samgin" as an implicit reproduction of fundamental Buddhist concepts. The study proposes an interpretation of the protagonist's absenteeism not merely as a social or psychological trait, but as a form of ontological alienation typologically close to the Buddhist understanding of personality. The study concludes that, despite not being a conscious follower of Buddhism,

Gorky created a work that exhibits a profound typological kinship with Eastern philosophy. It is revealed that Samgin's realization of emptiness does not lead to liberation (unlike the Buddhist tradition) but instead exposes the tragic gap between the intolerability of suffering and the impossibility of its transcendence within European existential discourse. This analytical lens allows for interpreting the novel as a philosophical exploration of the crisis of the individual in a world that has lost its metaphysical foundations.

Введение

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом современной гуманитарной науки к междисциплинарному диалогу и интегративному осмыслению феноменов культуры. Обращение к буддийской оптике позволяет высветить новые грани в классическом тексте русской литературы и включить их в контекст масштабного философского дискурса о природе страдания и путях его прекращения.

Философская глубина итогового романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» продолжает привлекать исследователей, открывая возможность для межкультурных и междисциплинарных прочтений. Творчество писателя, традиционно рассматриваемое в контексте социально-исторического дискурса, все чаще становится объектом изучения с точки зрения экзистенциальной и философской проблематики. Исследователи отмечают новаторский характер психологизма М. Горького и его внимание к «бездонному» внутреннему миру личности.

Несмотря на известный скепсис М. Горького по отношению к восточным религиям, документально подтверждено, что писатель проявлял к ним неподдельный интерес, о чем свидетельствуют пометы на книгах о буддизме в его личной библиотеке (Шуган, 2018). Его пристальное внимание к проблемам страдания, отчуждения, иллюзорности социальных проектов и природы человеческого «Я» обнаруживает поразительные параллели с базовыми концепциями буддийской мысли.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Обосновать правомерность применения буддийской оптики к роману М. Горького «Жизнь Клима Самгина» на основе документально подтвержденного интереса писателя к восточной философии и выявить типологические параллели между художественным универсумом романа и фундаментальными концепциями буддизма.

2. Проанализировать репрезентацию Четырех благородных истин в романе: показать универсальный характер страдания (дуккха) на примере разных персонажей (Лютюв, Нехаева, Кутузов), выявить причины страдания в их привязанностях и желаниях, а также обнаружить элементы Третьей и Четвертой истин (возможность прекращения страдания и отдельные составляющие Восьмеричного пути) в духовных исканиях героев.

3. Интерпретировать ключевые эпизоды романа (созерцание картины И. Босха, диалоги о бесцельности жизни) как моменты интуитивного постижения героем сансарической природы реальности.

4. Исследовать феномен «пустотного Я» Клима Самгина через призму буддийских концепций анатман (отсутствие субстанциального «Я») и шуньяты, сопоставив его внутренний опыт (ощущение себя как пустоты, фрагментированность сознания) с буддийским пониманием личности как потока дхарм.

Методологическую основу исследования составляют:

1. Историко-философский анализ контекста, направленный на реконструкцию интереса М. Горького к восточным религиям и философии (на основе материалов его личной библиотеки и исследовательской литературы). Этот метод позволяет обосновать правомерность применения буддийской оптики к роману, учитывая как документальные свидетельства, так и широкий интеллектуальный контекст эпохи.

2. Метод философской компаративистики, позволяющий сопоставить отличающиеся философские и культурные традиции (европейскую и восточную) без постулирования прямого влияния, а через выявление типологических сходств. Данный метод применяется для обнаружения параллелей между ключевыми концепциями буддизма (дуккха, анатман, шуньята, сансара) и художественной структурой романа, а также для сопоставления экзистенциального кризиса героев М. Горького с буддийским пониманием страдания и пустотности «Я».

3. Герменевтический подход, обеспечивающий интерпретацию имплицитных смыслов художественного текста. С его помощью анализируются ключевые эпизоды романа (монологи и диалоги персонажей, описание внутреннего мира Самгина, сцена с картиной И. Босха) как носители латентных философских интуиций, близких буддийской традиции. Герменевтический подход позволяет раскрыть глубинные, не лежащие на поверхности значения, закодированные в полифонической структуре романа.

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные труды по философии буддизма, в которых раскрываются ключевые концепции, используемые в статье: Четыре благородные истины, природа страдания (дуккха), учение об отсутствии субстанциального «Я» (анатман), понятие пустоты (шуньята) и сансарический круговорот бытия. Основополагающее значение имеют работы Е. А. Торчинова (2025), предлагающего систематическое введение в буддийскую философию и психологию, И. С. Урбанаевой (2015), анализирующей уровни презентации Четырех истин, а также классический труд Ф. И. Щербатского (1988) по философскому учению буддизма. Для понимания буддийских концепций личности и сознания привлекаются исследования С. Л. Бурмирова (2019) о структуре буддийских практик, С. Ю. Лепехова (2022) о соотношении школ Мадхьямаки и Йогачары, Л. Е. Янгутова (2016) о понятии пустоты.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в образовательном процессе при разработке вузовских курсов по истории русской литературы, философии

культуры и спецкурсов по творчеству М. Горького. Предложенная методика сопоставительного анализа художественного текста с категориями буддийской философии применима при изучении других произведений русской литературы, обнаруживающих типологическое родство с восточными традициями. Материалы статьи могут быть включены в учебные и методические пособия, а также использованы в дальнейших междисциплинарных исследованиях на стыке литературоведения, философии и религиоведения.

Обсуждение и результаты

В своем последнем романе М. Горький, на наш взгляд, блестяще реализовал методологию полифонизма (Крюкова, Куликова, 2018; Лесевицкий, 2025). Его итоговое произведение можно рассматривать с позиций самых разноплановых мировоззренческих паттернов (Колобаева, 1990).

Стоит отметить, что русский литератор испытывал к этой восточной религии неподдельный интерес: «Судя по пометам на книгах о буддизме А. Введенского, О. Ковалевского, Г. Ольденберга, Ф. Щербатского, хранящихся в личной библиотеке Горького, писателя интересовали не отдельные детали, а сущность этого учения в целом, так как оно оказалось важным для идейно-эстетических устремлений писателя» (Шуган, 2018, с. 591). Однако стоит заметить, что своеобразный «буревестник советского экзистенциализма» достаточно критически относился к этой восточной религии, отмечая некую инертность ее представителей, их самоизгнание из рамок бурной динамики исторического процесса. Но, с другой стороны, несмотря на внешнее непринятие данной религии, в творчестве М. Горького можно найти много черт, роднящих его творческий универсум с буддизмом (Иванов, 2021).

Прежде чем перейти к основной теме нашего исследования, необходимо сделать важную ремарку. Известно, что в рамках буддийской практики существует большое количество школ и направлений, нередко с противоречащими друг другу концептуальными подходами. Но в данной публикации мы будем опираться именно на философию буддизма, то есть на некие общие мировоззренческие константы, которые признаются большинством направлений этой восточной религии (Урбанаева, 2015).

По нашему мнению, М. Горький в своем итоговом произведении поднимает множество вопросов, характерных для философии экзистенциализма: проблему отчуждения человека от мира, четкое осознание глубины его падения, тему обезличивающего влияния социума на личность, проблему поиска человеком смысла собственного существования и т. д.

Нам представляется, что существует достаточно глубокая диалектическая связь между экзистенциализмом и философией буддизма в аспекте пристального внимания к внутреннему миру личности: «Мир буддийской космологии – это психокосм, т. е. мир, уже отраженный в сознании человека и таким образом включенный в его сознание или, точнее, в образующий его дхармический поток, ставший как бы частью того, что можно назвать личностью» (Торчинов, 2025, с. 54-55). М. Горький посвятил анализу бездонного психологического мира своего главного героя значительную часть общего объема рукописи.

Стоит отметить, что русский писатель транслирует идеи, достаточно близкие к буддийской философии, имплицитно; они как бы закодированы в художественной ткани романа. Можно утверждать, что внутренний мир Клима Самгина в некоторых аспектах схож с картиной мироздания, описанной в философии буддизма, но, разумеется, не сливается с ней полностью. В психокосме главного героя книги мы можем обнаружить латентное отражение некоторых Благодородных Истин (Урбанаева, Лощенков, 2023).

Первая Благодородная Истина, сформулированная Буддой, гласит: «Всё есть страдание (дуккха)». Подобно самому бытию, страдание безначально и неизменно сопровождает все его проявления. Можно с уверенностью утверждать, что М. Горький в «Жизни Клима Самгина» раскрыл данный феномен с потрясающей философской глубиной, ибо разные формы страданий испытывают все герои произведения (Горшенин, 2025).

С одной стороны, это могут быть мучения, обусловленные бурной динамикой исторического процесса, детерминирующим воздействием внешней социальной среды на личность. Максим Горький в романе блестяще описывает нарастающий процесс движения России к социалистической революции октября 1917 года, радикальной смены общественно-экономического уклада, многовековых устоявшихся форм общественного сознания. Совершенно очевидно, что в новом коммунистическом социуме привилегированные классы, экзистенцию которых столь тонко описал автор «Жизни Клима Самгина», обречены на разные трагические формы мук, обусловленные глобальной сменой социально-экономической и исторической судьбы государства.

С другой стороны, страдают и иные герои последнего романа М. Горького, но по причинам не только глобальных изменений исторического универсума, но и собственного трагического восприятия сансарического мира. Многие персонажи испытывают неудовлетворенность, разочарование, тревогу, некую подверженность бытия непостоянству. Клима Самгин является, пожалуй, самым глубоким и последовательным носителем осознания этой истины среди всех персонажей романа. Если другие герои страдают от конкретных неудовлетворенных желаний (власть, богатство, слава, идеал всеобщего равенства), то страдание Самгина фундаментальнее и тотальнее. Он страдает от самого факта существования в «сансарическом» мире, от его абсурдной условности и бессмысленной динамики. Дуккха Клима – это экзистенциальная тоска (Горшенин, 2025), ощущение «неуместности» в бытии, постоянный фоновый дискомфорт от соприкосновения с реальностью, которую он воспринимает как иллюзорную и враждебную: «Уродливость быта и капризная разнузданность психики объясняли Самгину его раздор с действительностью» (Горький, 1979, т. 13, с. 288). Он видит страдание не как личную трагедию, а как универсальный закон, пронизывающий все формы жизни и социальные

проекты. Его рефлексия постоянно фиксирует моменты разочарования, краха надежд, мучительной связанности других персонажей с их страстями. Таким образом, Самгин не просто испытывает страдание – он возводит его в ранг мировоззренческого принципа.

Как писал один из авторитетных современных исследователей буддизма: «Вторая Благородная Истина – истина о причине страдания. Эта причина – влечения, желания, привязанность к жизни в самом широком смысле, воля к жизни, как сказал бы увлекавшийся буддизмом и другими индийскими учениями А. Шопенгауэр» (Торчинов, 2025, с. 30). В художественной ткани романа мы видим описание процесса поглощения личности сансарическим миром, ее эмоционального вовлечения в универсум.

Большинство персонажей романа ощущают давление некоей обезличенной демонической силы, сопротивляться которой у человека нет возможности. Личность, помимо ее осмысленной воли, вброшена в кругооборот сансары, где обречена на муки, порожденные нашими желаниями. Любовница главного героя книги произносит: «– Какая-то таинственная сила бросает человека в этот мир беззащитным, без разума и речи, затем, в юности, оторвав душу его от плоти, делает ее бессильной зрительницей мучительных страстей тела. Потом этот дьявол заражает человека болезненными пороками, а истерзав его, долго держит в позоре старости, все еще не угасая в нем жажду любви, не лишая памяти о прошлом, об искорках счастья, на минуты, обманно сверкавших пред ним, не позволяя забыть о пережитом горе, мучая завистью к радостям юных. Наконец, как бы отомстив человеку за то, что он осмелился жить, безжалостная сила умерщвляет его. Какой смысл в этом? Куда исчезает та странная сущность, которую мы называем душой?» (Горький, 1979, т. 11, с. 210).

Описанные Нехаевой «мучительные страсти тела» в юности являются в буддизме классическим проявлением жажды чувственных удовольствий. Эта жажда порабощает душу («делает ее бессильной зрительницей»), заставляя человека вновь и вновь стремиться к мимолетным наслаждениям, которые не могут дать постоянного удовлетворения. «Болезненные пороки», о которых говорит Нехаева, в буддизме объясняются тремя коренными ядами ума: неведением, привязанностью и отвращением, которые питают друг друга. Страдания старости и угасания, описанные в данном фрагменте Нехаевой, – это прямое следствие жажды существования, которая цепко держит человека за бытие, даже когда она приносит лишь боль. То, что героиня называет мучительной «завистью к радостям юных», есть не что иное, как проявление всё той же жажды желаний, которая не находит удовлетворения в настоящем и потому оглядывается на прошлое. Память об «искорках счастья», которая не дает покоя, в буддизме является иллюзией, удерживающей ум в сансаре, в круговороте бесконечных рождений и смертей. Риторический вопрос любовницы Клим Самгина «Какой смысл в этом?» отражает ее крайнюю степень экзистенциальной фрустрации, которую Будда считал отправной точкой для духовных поисков. Стоит отметить, что Нехаева, в полном соответствии с буддийской философией, называет и главную побуждающую силу, порождающую страдания, – появление демона желаний и разнообразных страстей: «Желание делает нас здешними, преодолешь желание – и ты ниоткуда, можно не завидовать ни святому, ни призраку» (Чоран, 2002, с. 98). Любовница Самгина, Нехаева, своими вопросами о смысле бытия и жалобами на «таинственную силу» напрямую артикулирует экзистенциальный ужас перед безличной сансарой. Ее слова – это чистый голос страдания-дуккхи, лишенный интеллектуальных наслоений.

Третья Благородная Истина буддизма гласит, что есть путь избавления от страданий. Личность должна путем длительной духовной практики пытаться достигнуть нирваны (Родичева, 2019).

В романе М. Горького можно обнаружить определенные приближения к этому состоянию, пусть даже частичные и незавершенные. Клим Самгин на протяжении всего повествования демонстрирует постепенное угасание привязанностей к миру, что в буддийской перспективе можно рассматривать как начальную стадию отращения. Его знаменитая фраза о том, что он «самый трезвый человек в России», указывает на принципиальный отказ от самообмана, которым живут окружающие, – а это есть первый шаг к прекращению страдания, ибо иллюзии суть пища для жажды существования. Самгин не позволяет себе увлекаться политическими страстями и абсурдными с его точки зрения карьерными устремлениями – он сознательно сокращает поле своих желаний, несколько приближаясь к буддийскому идеалу непривязанности. Его рефлексивная отстраненность, которую в советской историографии принято критиковать как недостаток, в буддийской оптике может быть осмыслена как зачаток правильной созерцательности, отделяющей наблюдателя от потока переживаний. Когда Самгин говорит, что иногда просыпается утром и думает, что напрасно проснулся, это не только симптом депрессии, но и свидетельство глубокого отвращения к сансаре, которое в буддизме считается необходимым условием для вступления на путь освобождения. Купец Лютов также демонстрирует близость к Третьей истине через свое мучительное осознание чуждости собственной сословной среде: он не чувствует «внутренней связи» с купечеством, не обладает необходимой «зоологичностью» – это значит, что жажда обладания и накопления, движущая его социальным сословием, в нем уже угасает. Его признание, что он чувствует себя «жертвой, приносимой историей себе самой за грехи отцов» (Горький, 1979, т. 11, с. 409), указывает на готовность принять страдание как искупление, что приближает его к буддийскому пониманию кармической ответственности. Добровольный уход купца Лютова из жизни, при всей его трагичности и ошибочности, может быть истолкован как отчаянная попытка полного прекращения страдания, предпринятая человеком, не знающим иных путей к нирване, кроме тотального отрицания существования. Земской врач Макаров, переживший экзистенциальный кризис, после него приходит к новому пониманию жизни – это момент, близкий к буддийскому «обращению», когда страдание становится отправной точкой для духовной трансформации (Лифинцева, 2015). Нехаева, одержимая страхом смерти и одновременно латентным влечением к ней, воплощает буддийское учение о двух формах жажды – жажде существования и жажде несуществования, которые суть две стороны одной медали сансарического универсума. Самгин в разговоре с Макаровым

прямо формулирует буддийскую по духу мысль: «...люди выдумывают себя, чтобы подсластить горькую мысль о бесцельности жизни» (Горький, 1979, т. 11, с. 253-254), – это прозрение некой иллюзорности эго, которое в буддизме считается ключом к освобождению.

Важно понимать, что Третья истина в романе является скорее горизонтом, к которому тянутся персонажи, неким запредельным состоянием, но само это тяготение доказывает их близость к буддийскому пониманию возможности освобождения. М. Горький показывает людей, которые интуитивно чувствуют, что страдание можно прекратить, но не знают как, и потому их попытки часто принимают уродливые или трагические формы. Самгин в финале оказывается в ситуации полного краха всех иллюзий – это момент, который в буддийской практике считается благоприятным для пробуждения, если человек способен правильно им распорядиться. Открытый финал романа оставляет возможность для духовного преображения героя, которое могло бы последовать за разрушением его эгоцентрической сущности. Таким образом, несмотря на то что ни один персонаж не достигает подлинной нирваны, все они в разной степени приближаются к порогу Третьей Истины, обнаруживая в своем страдании семена возможного освобождения.

Четвертая Благородная Истина указывает конкретный путь прекращения страдания – Восьмеричный благородный путь, и в романе М. Горького можно обнаружить отдельные элементы этого пути, рассредоточенные между разными персонажами, хотя ни один не следует ему всецело. Правильное воззрение, предполагающее понимание четырех истин, на наш взгляд, в наибольшей степени присутствует у Самгина. Правильное намерение, требующее развития доброжелательности и отказа от привязанностей, можно усмотреть в отношении купца Лютова к рабочим – он не рассматривает их как объект безжалостной эксплуатации, не чувствует в себе «зоологичности» настоящего капиталиста, что несколько приближает его к буддийской этике ненасилия. Буддийский концепт правильной речи в романе представлен несколько парадоксальным образом: Самгин часто молчит, отказываясь от пустых и абсурдных разговоров, и в этом молчании можно увидеть зачаток религиозной сдержанности в слове. Правильная осознанность, возможно, тоже наиболее развита у Самгина: его постоянное самонаблюдение, фиксация мельчайших движений собственной души есть форма внимательности, хотя и искаженная радикальным эгоцентризмом. Когда Самгин наблюдает за Кутузовым, испытывающим экзистенциальную боль, и пытается понять «ту силу, которая заставляет его жить волчьей жизнью бродяги» (Горький, 1979, т. 12, с. 418), он практикует вовлеченное созерцание другого человека с попыткой понимания его внутреннего мира. В диалогах персонажей постоянно обсуждаются вопросы смысла жизни, назначения человека, природы страдания – это само по себе свидетельствует о наличии правильного буддийского воззрения в латентной форме, ибо они уже поставили те вопросы, с которых начинается путь онтологического освобождения.

Важно понимать, что Восьмеричный путь в романе предстает не как реализованная программа, а как своеобразные «рассыпанные фрагменты», которые персонажи интуитивно нащупывают в своих духовных исканиях. М. Горький показывает героев, которые, не зная прямо буддийского учения, эмпирически приближаются к его отдельным положениям, потому что страдание универсально и пути его преодоления также универсальны. Даже добровольный уход из жизни Лютова может быть истолкован как трагически искаженная и ошибочная попытка реализовать Третью истину без опоры на Четвертую – стремление прервать страдание, не пройдя путь его верного понимания и осознания. Таким образом, на наш взгляд, некоторые персонажи романа обнаруживают некую опосредованную близость к Четвертой Истине не в сложной полноте ее духовного осуществления, а в интуитивном движении к тем принципам, которые эта истина постулирует в рамках мировоззрения. Их духовные искания, даже когда они заканчиваются катастрофой и крушением, подтверждают, что потребность в пути метафизического освобождения заложена в самой природе любой личности, страдающей в сансарическом универсуме (Лесевицкой, 2024).

Нам представляется, что Самгин, пожалуй, ярче других героев книги осознал декадентскую сущность иллюзорного мира. В данном аспекте необходимо проанализировать восприятие Климом картины великого художника-психотика эпохи Северного Возрождения Иеронима Босха, которую он лицезрел в одном из музеев Западной Европы. На наш взгляд, полотно является своеобразным художественным воплощением сансарического мира как хаоса ложных, иллюзорных сущностей, гротескным отображением парада одержимостей: «Он встал, пошел дальше, взволнованно повторяя стихи, остановился пред темноватым квадратом, по которому в хаотическом беспорядке разбросаны были странные фигуры фантастически смешанных форм: человеческое соединилось с птичьим и звериным, треугольник, с лицом, вписанным в него, шел на двух ногах. Произвол художника разорвал, разъединил знакомое существующее на части и комически дерзко связал эти части в невозможное, уродливое» (Горький, 1979, т. 14, с. 11).

На наш взгляд, М. Горький в художественном универсуме романа посредством специфики восприятия картины И. Босха главным героем раскрыл сущность «адовой суматохи» сансарического мира. Самгин созерцает разрушительные последствия желаний человека: чревоугодия, похоти, алчности, ярости, которыми переполнен сансарический мир.

Рефлексивное дистанцирование Самгина от окружающей действительности, обусловленное шизоидной акцентуацией его «Я», дает ему шанс увидеть сансарический мир вне его искаженного восприятия, ибо большинство героев последнего романа М. Горького лишены этой возможности. На картине И. Босха изображены слепцы, не видящие всех ужасов существования в этом мире, их немота и невосприимчивость – причины духовного падения. Стоит заметить, что Самгин прекрасно осведомлен о негативной сущности универсума; он шокирован торжеством зла, порожденного демонами-желаниями человека. На полотне художника Самгин увидел извлеченное, наглядное напоминание о присутствии смерти, пронизывающем самую жизнь, когда

цветущая, пышущая здоровьем плоть оборачивается деструкцией и распадом, а наслаждение теснейшим образом переплетено со страданием и муками. Один из крупных европейских знатоков буддийской философии писал: «Куда больше, чем скелет, нас удручает и тревожит плоть, то бишь прах. Буддийские монахи нередко предавались созерцанию разлагающихся трупов – есть ли лучшее средство укрепить в себе желание отрешиться от всего тленного! Ужас открывает дорогу к освобождению, вот почему во все времена сильной веры и самоуглубленности были в чести останки» (Чоран, 2002, с. 56-57). Клим у полотна великого художника эпохи Северного Возрождения осознает, что все иллюзорно перед лицом греха, желаний и смерти. А потому экзальтированно цепляться за иллюзорный мир, в котором «в хаотическом беспорядке разбросаны странные фигуры фантастически смешанных форм» (Горький, 1979, т. 14, с. 11), равноценно безумию.

И. Босх и буддийская мысль показывают, что существо само творит свой ад своими же деструктивными желаниями – сущностью своего сознания. Совершенно очевидно, что фаталистический дискурс проявляется в последнем романе М. Горького чрезвычайно рельефно. Стоит отметить, что проблема смерти является одной из основных в рамках философии буддизма (Торчинов, 2025). Уникальное психологическое качество стороннего наблюдателя, присущее главному герою романа, дает ему шанс не участвовать в эсхатологическом хаосе и принципиально дистанцироваться от мира, в котором «человеческое соединялось с птичьим и звериным». Флегматичная бесстрастность Самгина является потенциальным условием достижения им состояния просветления, сферы, лишенной диктата желаний. Самгин потрясен картиной И. Босха, потому что сам видит сансарический мир именно таким – деструктивным, разрушительным, лишенным духовных оснований. В рамках буддийской традиции умное дистанцирование от универсума является важнейшим фактором перехода к безмятежности нирваны.

Описание картины И. Босха в романе «Жизнь Клим Самгина» имеет глубокое художественное значение как литературно-философское воплощение сансарического видения универсума, включая его гносеологические и онтологические основания (Оляндэр, 2023). Сцена у картины И. Босха – ключевой момент «духовной биографии» главного героя, где экзистенциальный ужас перед сансарой достигает апогея, но не находит конструктивного метафизического выхода. М. Горький мастерски показывает, как эстетическое переживание искусства становится для персонажа формой психологического шока, обнажающего самые основы его мироощущения. Это переживание окончательно закрывает для Самгина возможность наивной веры в прогресс или многообразные социальные утопии, но, к сожалению, не открывает ему иного, трансцендентного горизонта.

У М. Горького было несколько альтернативных названий для своего итогового произведения, одно из них – «История пустой души». В контексте наших размышлений это крайне важная деталь, ибо концепт «шуньяты» (пустоты) является важнейшим элементом сложной и многогранной философии буддизма: «Если отвлечься от попыток дать точный эквивалент понятию “шунья” или “пустота” и взглянуть на него с точки зрения его содержания, то можно выделить в нем два основных аспекта, на которые уже обращалось внимание в самом начале. Первый аспект – это содержание пустоты в отношении к феноменальному миру, второй – в отношении к истинной реальности» (Янгутов, 2016, с. 123). В рамках данной работы мы уже анализировали пустотность внешнего, сансарического мира, в который «вброшен» Самгин. Поэтому перейдем к рассмотрению проблемы «шуньяты» в рамках полифонического, психологического «Я» главного героя произведения. Классическая буддийская традиция отвергает гомогенное «Я» человеческой психики, представляя ее как расколотый, фрагментированный конгломерат множества независимых «дхарм» (или «психических факторов»), объединенных в одном теле. В этом смысле психологический универсум личности пустотен и предстает рециклирующим потоком восприятий, амбивалентных мыслей, ощущений, переживаний – без какого-либо твердого, неизменного, субстанциального, центрированного «Я» (Щербатской, 1988). М. Горький пишет: «Клим Самгин не впервые представил, как в него извне механически вторгаются множество острых, равноценных мыслей. Они – противоречивы, и необходимо отделить от них те, которые наиболее удобны ему. Но, когда он пробовал привести в порядок все, что слышал и читал, создать круг мнений, который служил бы ему щитом против насилия умников и в то же время с достаточной яркостью подчеркивал бы его личность, – это ему не удавалось. Он чувствовал, что в нем кружится медленный вихрь различных мнений, идей, теорий, но этот вихрь только расслабляет его, ничего не давая, не всасываясь в душу, в разум. Иногда его уже страшило это ощущение самого себя как пустоты, в которой непрерывно кипят слова и мысли, – кипят, но не согревают» (Горький, 1979, т. 11, с. 306). Литератор в описании внутреннего мира Самгина сближается с буддийской традицией в аспекте отсутствия монолитного «Я». Его психологическую сферу главный герой ощущает как «пустотное Я» – некое психологическое пространство, где зарождаются и погибают чужие, навязанные извне мысли. Он – отстраненный наблюдатель данного феномена, лишенный возможности управлять этим процессом (Лесевицкий, 2024). Когда Клим размышляет о том, что мысли механически вторгаются извне и не всасываются в душу и разум, он неосознанно описывает буддийскую медитативную практику випассаны – не вовлеченного наблюдения за потоком мыслей и размышлений, когда медитирующий не должен отождествляться с ними. Ибо привязанность к идеям, как внешним, так и собственным, мешает личности избавиться от страданий и достичь нирваны. С точки зрения буддийской традиции, страдания обусловлены попыткой обрести собственную идентичность, устойчивость, антипод пустотного «Я»-конструкта. Здесь уместно обратиться к школе Мадхьямака («Срединный путь»), основанной Нагарджуной, которая углубляет понимание шуньяты. Мадхьямака учит избегать крайностей как вечного существования (этернализма), так и полного несуществования (нигилизма). Реальность пуста от собственной независимой сущности, но это не значит, что она не существует условно. Самгин интуитивно улавливает нигилистический аспект пустоты: для него мир и его собственное «Я» лишены прочного смысла и субстанции. Однако, с другой стороны, он не способен

длительно удерживаться на «срединном пути», признающем относительную, конвенциональную реальность явлений. Его восприятие застревает в негативной пустоте, которая пугает и парализует. Он видит «пустотность» как вакуум, как экзистенциальную опустошенность, а не как открытость и свободу от фиксированных концепций. Буддийская практика ведет к тому, чтобы, осознав пустоту, действовать в мире спонтанно и сострадательно, не привязываясь к конечным результатам. Самгин же, осознав (или почувствовав) пустоту, отказывается от какого-либо значимого действия вообще. Его путь – это не «срединный», а «абсентеистский» путь абсолютной внутренней и внешней иммобилизации. М. Горький гениально показывает тупик, в который может завести интуиция пустоты, не уравновешенная мудростью и сострадательной активностью. Стоит отметить, что буддийский концепт мадхьямаки предполагает критику любых догматических позиций – как тезиса, так и антитезиса – своеобразных крайностей. Просветленный мудрец должен придерживаться «среднего пути», нивелирующего утверждение и его (утверждения) отрицание, что дает четкое понимание пустоты человеческого психокосмоса. На допросе после ареста Климса один из полковников, подробно изучивший дневниковые записи главного персонажа, удивленно изрек: «Вот вы пишете: “Двух станов не боец” – я не имею желания быть даже и “случайным гостем” ни одного из них, – позиция совершенно невозможная в наше время!» (Горький, 1979, т. 12, с. 191).

Но Самгина пугает данное психологическое переживание, он мучительно ищет выхода из состояния пустой души, обретения метафизической почвы подлинного бытия (М. Хайдеггер), хотя бы какой-то определенной сущности. Тогда как буддийская традиция предполагает путь осознанного принятия пустотности существования – высшей истинной свободы. В рамках буддизма путь освобождения от сансарического мира заключается не в обретении неделимого аутентичного «Я»-конструкта, как у экзистенциалистов, но в утрате привязанности к любому объекту, имеющему некую сущность.

Заключение

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели и решить следующие задачи.

В соответствии с первой задачей обоснована правомерность применения буддийской оптики к роману «Жизнь Климса Самгина»: документально подтвержденный интерес М. Горького к буддизму (Шуган, 2018) и типологический анализ обнаруживают глубокие параллели между художественным универсумом романа и фундаментальными концепциями восточной философии.

Решение второй задачи показало, что Четыре благородные истины находят имплицитное выражение в романе: универсальность страдания (дуккха) демонстрируется через образы Лютова, Кутузова, Нехаевой; причина страдания раскрывается в их привязанностях и желаниях; элементы Третьей и Четвертой истин (возможность прекращения страдания и отдельные составляющие Восьмеричного пути) прослеживаются в духовных исканиях героев, однако ни один из них не достигает полноты освобождения.

Третья задача решена через интерпретацию ключевых эпизодов романа: созерцание картины И. Босха становится моментом интуитивного осознания героем сансарической природы реальности как хаоса страстей и иллюзий. Социально-психологический абсентеизм главного героя предстает как своеобразное онтологическое отчуждение, что требует для своего анализа категорий восточной философии (Бутузова, Солина, 2022).

В рамках четвертой задачи исследован феномен «пустотного Я» Самгина через призму буддийских концепций анатман и шуньяты. Выявлено, что ощущение героем себя как «пустоты, в которой кипят слова и мысли» (Горький, 1979, т. 11, с. 306), типологически сближается с буддийским пониманием личности как потока дхарм, лишённого субстанциального ядра. Однако, в отличие от буддийской традиции, это прозрение не ведет Самгина к освобождению, а заводит в экзистенциальный тупик.

Таким образом, роман М. Горького вступает в сложный диалог с восточной традицией: он заимствует ее диагностические инструменты для анализа кризиса европейского сознания, но оставляет открытым вопрос о конструктивном выходе из него, который в буддизме представлен Восьмеричным путем. Дальнейшее изучение темы предполагает расширение корпуса анализируемых текстов (применение буддийской оптики к другим произведениям М. Горького).

Материалы исследования | Research materials

1. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. М.: Правда, 1979.

Источники | References

1. Бурмистров С. Л. Логика второй части «Компендиума Абхидхармы» Асанги и структура буддийских практик // Идеи и Идеалы. 2019. Т. 11. № 4-1.
2. Бутузова И. В., Солина Е. А. Социально-философское осмысление проблемы партиципации и абсентеизма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 2 (60).
3. Горшенин М. Л. Феномен «русской тоски» и экзистенциального страха: сравнительный анализ концептуализаций // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025. № 3 (70). <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.60-66>

4. Иванов Н. Н. Мифологемы Востока в художественном сознании М. Горького // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-101-111>
5. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX вв. М.: Московский государственный университет, 1990.
6. Крюкова Н. Ф., Куликова А. Ю. Явление полифонии в художественном тексте как переводческая проблема (на материале отдельных глав романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби») // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2018. № 2 (31).
7. Лепехов С. Ю. Соотношение концепций Мадхьямаки и Йогачары в комментарии Нагарджуны «Бодхичитта-виварана» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. № 4.
8. Лесевицкий А. В. Клим Самгин как метафизический двойник «подпольного человека» Ф. Достоевского // Вопросы литературы. 2025. № 2.
9. Лесевицкий А. В. «Расколотовое Я» Клим Самгина: исследование полифонического и монологического характеров // Нижневартковский филологический вестник. 2024. № 1.
10. Лифинцева Т. П. «Забота» Хайдеггера, «бытие-для-себя» Сартра и буддийская дуккха: онтология негативности // Вопросы философии. 2015. № 8.
11. Оляндэр Л. К. Психологическое поле и проблема когнитивного диссонанса в романе М. Горького «Жизнь Клим Самгина» // Максим Горький и мировая культура: сборник научных статей / под ред. Л. А. Спиридоновой. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2023. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0693-2-596-606>
12. Родичева И. С. Философия «пути освобождения»: шуньявада и даосизм // Идеи и Идеалы. 2019. Т. 11. № 2-1.
13. Торчинов Е. А. Введение в буддизм: лекции. СПб.: Азбука, 2025.
14. Урбанаева И. С. Три уровня презентации Буддой учения о Четырех Благородных Истинах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13.
15. Урбанаева И. С., Лощенков А. В. Проблема систематизации буддийских учений и практик и стадийный подход // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 45. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.45.139>
16. Чоран Э. После конца истории: философская эссеистика. СПб.: Симпозиум, 2002.
17. Шуган О. В. «Золотой сон» и нирвана: отражение буддийских идей в пьесе М. Горького «На дне» // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / сост. О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб.: Российская христианская гуманитарная академия, 2018.
18. Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988.
19. Янгутов Л. Е. Понятие пустоты в буддийской философии // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 3.

Информация об авторах | Author information

RU

Лесевицкий Алексей Владимирович¹

Ляхин Евгений Владиславович²

¹ Пермский филиал Финансового университета

² Пермский государственный аграрно-технологический университет им. Д. Н. Прянишникова

EN

Alexey Vladimirovich Lesevitsky¹

Evgeny Vladislavovich Lyakhin²

¹ Perm Branch of the Financial University

² Perm State Agro-Technological University named after D. N. Pryanishnikov

¹ lesev100@mail.ru, ² Evgeny102@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.02.2026; опубликовано online (published online): 23.03.2026.

Ключевые слова (keywords): философия буддизма; феномен абсентеизма; концепция анатмана; дуккха; шуньята; Buddhist philosophy; phenomenon of absenteeism; concept of anatman; dukkha; shunyata.